

“Cette lettre et la correspondance de Pétersbourg qui la suit ont paru le 1-er juin 1866 dans le *Kolokol*. Cette feuille du journal russe a été envoyée par la poste à l’Empereur”^{19*}. Вторая сноска находится на этой же странице, она относится к словам о преследовании и унижении властями ни в чем не повинных людей: “Voyez la correspondance de Pétersbourg qui suit la lettre”^{20*}. Текст заметки “Напоминание”, напечатанный в “Колоколе” между обращением к царю и “Письмом из Петербурга” в брошюре, с пометкой “N3”, без заглавия, помещен в самом ее конце, сразу же за подписью Герцена под письмом.

Таким образом, отдельным изданием этих материалов, предназначенным западному читателю, Герцен подчеркнул (и дважды специально сказал об этом в примечаниях) их нераздельность. Опубликованные в виде брошюры, они отчетливо выявили ограничительный смысл обращения к царю; центр тяжести переносился на разоблачение царизма. Особо очевидным делался и подлинный смысл этого выступления, таким, как он был задуман Герценом.

Список изданий Вольной русской типографии теперь пополняется еще одним названием. Брошюра “Lettre adressée à l’Empereur de Russie” дает представление о сложной эволюции, через которую прошли политические воззрения Герцена в 1860-е годы, в период сосредоточенных философских поисков последних лет его жизни.

ГЕРЦЕН В ЖЕНЕВЕ

Сообщение И.И. Сиволоп - Кафтаповой

Швейцарии повезло больше, чем другим странам Западной Европы: благодаря своему нейтралитету, она прожила последние полтора столетия с наименьшими утратами – не воевала, ее города не подвергались бомбардировкам и артиллерийским обстрелам; многое в ней осталось таким, каким было во времена Герцена. Но и в Швейцарии рука современного человека все активнее разрушает историческую сердцевину древних городов. Тем не менее, в Женеве все еще сохранилось довольно много памятных мест, связанных с Герценом. Дома, в которых он жил или бывал пока в основном еще устояли в стремительном азарте перестроек, которым охвачен весь мир. Объясняется это тем, что, будучи человеком состоятельным и не скупым, он всегда предпочитал селиться в дорогих, просторных и добротнo возведенных зданиях.

В 1849 г., в связи с предполагаемым переездом Герцена и его семьи из Парижа, Огарев писал ему: “А вы-то, счастливыцы, собираетесь в Женеву, мое любимое место. Я рад за вас: это мирный уголок, куда весело приехать семьей и жить про себя” (РП IV, 88).

У Герцена отношение к этому городу было более сложным. В его сочинениях и переписке сохранилось немало доброжелательных отзывов о Женеве, о ее природе, политическом и социальном строе. Нередко попадаются все же и гораздо более жесткие, но почти всегда справедливые оценки. Швейцарию часто посещали русские – политические деятели, дипломаты, художники, писатели, учащая молодежь. До нас дошло множество путевых заметок о природе Швейцарии, так поражавшей русских путешественников, зарисовки пейзажей и городских достопримечательностей. Но редко кто останавливался на политической жизни этой маленькой республики, упорно отстаивавшей свою политическую систему. В окружении великих монархических держав – Франции, Австрии, немецких княжеств и королевств – это было делом нелегким. Герцен, пожалуй, был чуть ли не единственным крупным русским политическим мыслителем середины XIX в., подвергшим проницательному анализу

^{19*} Публикуемое письмо и корреспонденция из Петербурга, которая следует за ней, помещены в “Колоколе” от 1 июня 1866 г. Этот лист русской газеты был отправлен по почте императору – (франц.).

^{20*} См. корреспонденцию из Петербурга, которая следует за письмом (франц.).

прошлое Швейцарии в историческом и социальном аспектах. Мы имеем в виду главным образом блистательные суждения Герцена в “Былом и думам”, в статьях и переписке его зрелых лет.

В конце жизни Герцен снова обратил взгляд на Швейцарию и в очерках “Скуки ради. – Альпийские виды” развил и суммировал взгляды на Швейцарию в целом и на Женеву в частности (XX, 648–659).

Герцен досконально знал Женеву – город, в который его часто приводила судьба. Однако встречи эти приходились на трудные, порой даже трагические для него времена.

1849 г. Об этом периоде Герцен сказал: “Это был дурной год” (XXIV, 186). Горькие впечатления от поражения недавней революции, начало крушения семейного счастья. Именно здесь, в Женеве, жена Герцена особенно сблизилась с его другом Г. Гервегом. Тесный, сумрачный, замкнутый кольцом средневековых укреплений, город не обладал тогда ни значительными архитектурными памятниками, ни музеями. Этот центр мрачного кальвинизма вскоре, однако, должен был, по замыслу приятеля Герцена, президента Женевского кантона Дж. Фази, преобразиться в красивый, светлый и современный город. Герцен сразу же освоился с нехитрой планировкой старой Женевы.

В день приезда Н.А. Герцен, сопровождаемой Гервегом, Герцен начал показывать им город, обращая внимание на все интересное, – эта прогулка втроем, оставившая глубокий след в их памяти, отняла у них не более двух часов...

Жизнь Герцена в это время шла неровно, нестройно, но в ней были светлые дни: «За них я обязан величественной швейцарской природе. Даль от людей и изящная природа имеют удивительно целебное влияние. Я по опыту писал в “Поврежденном”: “Когда душа носит в себе великую печаль, когда человек не настолько сладил с собою, чтобы примириться с прошедшим, чтобы успокоиться на понимании, ему нужна и даль и горы, море и теплый, кроткий воздух. Нужны для того, чтобы грусть не превращалась в ожесточение, в отчаяние, чтоб он не зачерствел...”» (X, 108–109).

Незабываемы страницы “Былого и дум” о поездке Герцена и Гервега в Церматт, долгие раздумия и сложные душевные движения на фоне суровых Альп. Жизнь в это время жестоко преследовала Герцена, швейцарская природа полностью спасти не могла, а Женева, так же как и Цюрих, развеяла миф о швейцарской свободе. Герцен стремительно покинул эту страну.

В 1851 г. Герцен снова приехал из Ниццы в Швейцарию для оформления бумаг о “натурализации” в кантоне Фрибург. Снова на короткое время ему стало лучше, но не столько от природы, сколько от общения со своими новыми согражданами из деревушки Шатель-сюр-Мора (Муртен)¹. Этот краткий период закончился приездом в Женеву, где, встретившись в кафе с Н.И. Сазоновым, Герцен узнал, что его мучительная семейная драма супругами Гервегами превращена в “общеевропейскую сплетню”.

1852 г. Время разъездов Герцена по Швейцарии в связи с организацией “общественного суда” над Гервегом. Снова Женева, в которой покоя он так и не нашел.

Затем двенадцать лет отсутствия...

1864 г. В канун нового 1865 г., сразу же после потери детей-близнецов, Герцен приезжает в Женеву на встречу с представителями “молодой эмиграции”. Этими переговорщиками он разочарован. Тяготы семейной жизни действуют на него угнетающе.

1865–1866 гг. Более полутора лет проводит Герцен в Женеве. Сюда из Лондона перевезена им типография “Колокола”. С “молодой эмиграцией” возникла открытая вражда. Семейные отношения обострились.

1868 г. В конце февраля Огарев сломал ногу. Обеспокоенный Герцен срочно приезжает к нему и живет в Женеве более двух месяцев.

Герцен проводит часть лета в городке Нионе (двадцать километров от Женевы). Он часто посещает столицу Женевского кантона.

1869 г. В середине мая Герцен вызван Огаревым для переговоров с Бакуниным и Нечаевым. Около месяца продолжается обсуждение сложившихся взаимоотношений.

Да, “счастливых созвездий” при встречах с Женевой нет. И все-таки город нравится Герцену своей природой (несмотря на незавидные климатические условия), комфортом и главное достаточно тесной связью с Россией. В 1865 г. Герцен писал: “Я в Париже и Женеве узнаю в три дня больше новостей из России, чем все мы в месяц узнаем их в Лондоне” (XXVIII, 44). Огорчало Герцена, правда, обилие русских (особенно молодых эмигрантов, подчеркнуто враждебно к нему относившихся). Поэтому в каждый приезд у Герцена возникала надежда на наступление лучших дней; казалось, что этот город можно будет выбрать местом постоянного жительства, хотя часто возникала мысль и о Цюрихе. Однако в Цюрихе середины 1860-х годов не было того накала политической и социальной борьбы, каким славилась Женева.

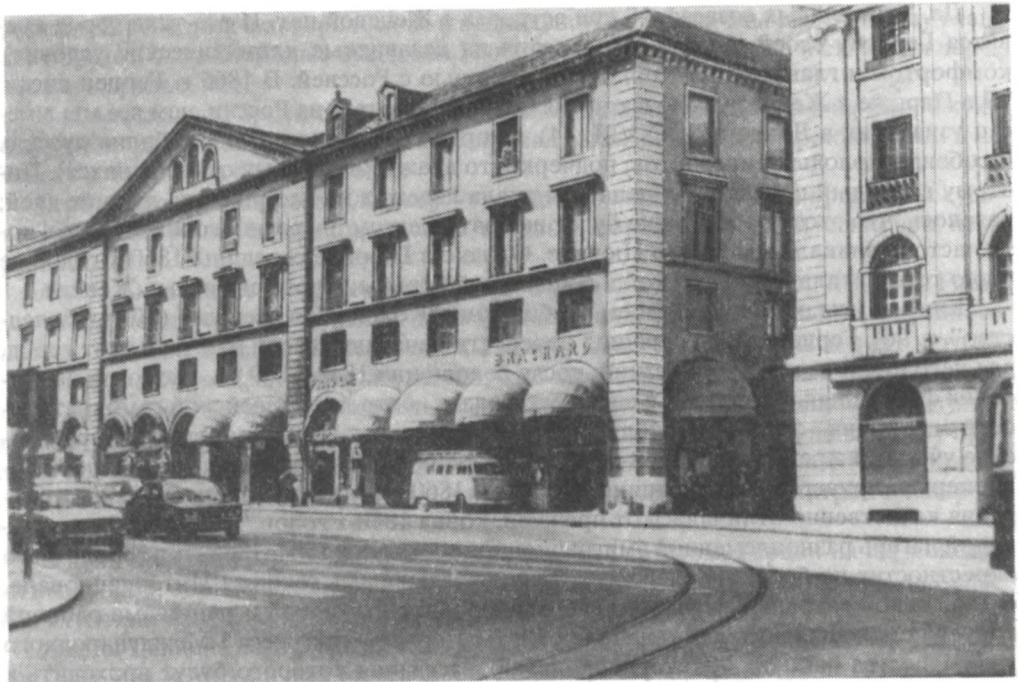
Как мы уже отмечали в своем сообщении «“Колокол” в Женеве» (“Лит. наследство”, т. 96), Герцен в 1864 г. решил перенести печатанье своей газеты в этот город, для чего имелось много оснований: после революции 1848–1849 гг., несмотря на старания федеральных властей, Женева оставалась центром европейской демократической эмиграции – здесь жили польские повстанцы еще с 1830 г., немецкие и французские участники революции 1848–1849 гг., сторонники Кошута, итальянские революционеры – приверженцы Маццини. Однако в 1860-х годах интернациональная эмиграция качественно отличалась от прежней, конца 1840-х годов. Тогда это был кочующий лагерь разноплеменной эмиграционной толпы, а в 1864–1865 гг. в городе и его окрестностях по берегу Женевского озера складывались секции I Интернационала. В 1866 г. по центральным улицам впервые пройдет с музыкой и знаменами рабочий кортеж, оповещающая жителей о начале работы Первого конгресса I Международного товарищества рабочих (“Интернационала”), заседания которого будут проходить к кафе “Трайбер” на улице Terrassière. После 1863 г. в Женеве заметно увеличился поток польской и русской революционной эмиграции.

Итак, переезд в Женеву казался желательным. В демократической атмосфере этого города легче дышалось. Здесь можно было надеяться на численное увеличение как читателей “Колокола”, так и числа корреспондентов.

Переезд типографии в Женеву был сложным делом, требовавшим от Герцена и его помощников много сил. К 17 апреля 1865 г. вся редакция была в сборе. Первые впечатления были очень приятны. Радовала даже погода, хотя в городе, расположенном в низине между Альпами и Юрской грядой, хорошая погода бывает не особенно часто. Наверно и сама Женева, сильно изменившая с 1849 г., понравилась Герцену. Тогда, в первый приезд, это был, как уже упоминалось выше, маленький средневековый городок, окруженный мощными военными бастионами, которые заставляли его уныло расти вверх. 15 сентября 1849 г. (во время пребывания Герцена в Женеве) было принято постановление о сносе фортификаций – началось бурное строительство великолепных зданий на улицах, расчищенных от средневековых дворов и всякого рода закоулков. Особенно преобразались набережные, являющиеся и теперь украшением города.

Строительство железной дороги сделало ненужной контору дилижансов, в которой прежде бывал Герцен. Новое здание железнодорожного вокзала было построено в 1858 г. Сюда-то и прибыл в 1864 г. Герцен. И потом с вокзалом Корнавэн и его перронами будут связаны все его многочисленные переезды по Швейцарии. Возвращаясь, Герцен каждый раз выходил на просторную и ошеломляюще красивую улицу Mont-Blanc, где в хорошую погоду видна шапка вечных льдов могучего альпийского гиганта. Уже возведен был мост Mont-Blanc, еще теснее соединивший старый и новые кварталы, строится еще один мост – Coulouvrenière, который вскоре свяжет районы Saint-Gervais и Plainpalais. С 1850-х годов закованный в серый камень город стал насаждать зеленые газоны, парки, сады и скверы. Превращение Женевы в современный, просторный город должно было импонировать Герцену. Казалось, что жизнь и работа хорошо налаживаются.

Помещение под “Вольную русскую типографию”, которой здесь, как и в Лондоне, руководил Л. Чернецкий, нашли рядом со знаменитой рабочей улицей – Terrassière на Pré-l’Evêque, № 40. Об этом помещении В.И. Касаткин писал Огареву

ЖЕНЕВА. УЛИЦА КОРРАТЕРИ, 10

Фотография И.И. Сиволап-Кафтановой, 1980-е годы

Собрание И.И. Сиволап-Кафтановой, Москва

В 1860-х годах в этом доме находился книжный магазин Георга, где продавались издания Вольной русской типографии

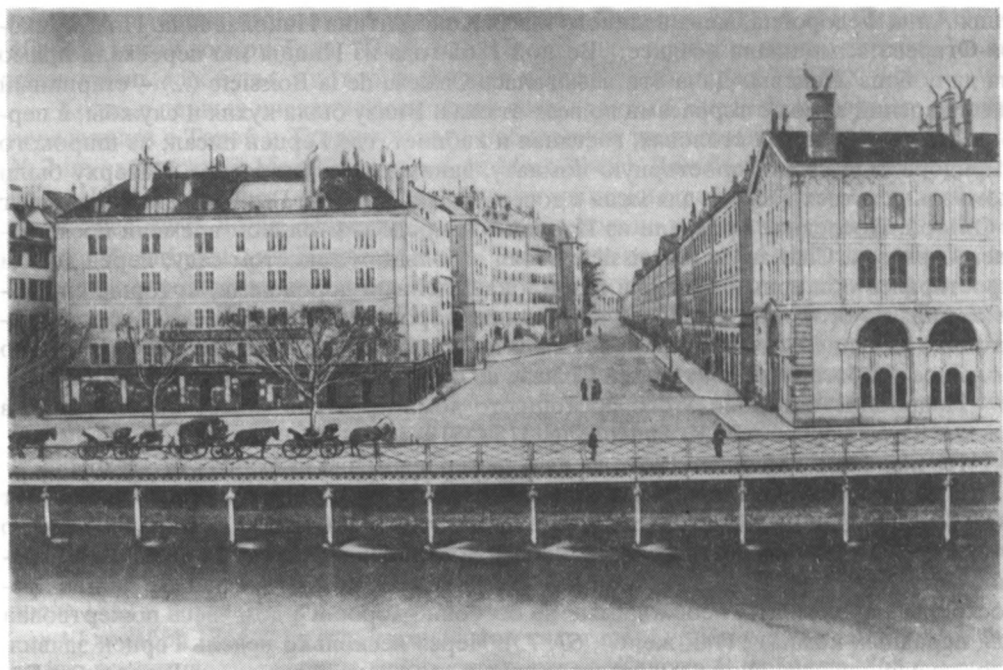
24 марта 1865 г.: «Квартира для типограф(афии) Ч(ернецкого) имеется в виду поблизости – пять комнат за 500 фр. в год» («Лит. наследство», т. 63, с. 248). С этим адресом будет связана вся издательская деятельность «Колокола» не только герценовской поры, но и потом, после смерти Герцена, когда «Колокол» попал в другие руки. До смерти Чернецкого типография помещалась по этому адресу. Дом простоял без изменений до января 1980 г., когда был снесен.

Сам Чернецкий поселился невдалеке – в самом начале улицы Prê l'Evêque. Снимая для себя дом в Женеве, Герцен хотел собрать там всех и даже разместить типографию с Чернецким (см. XXVIII, 11). Но Чернецкий был женат, и поэтому ему решили снять небольшую квартиру отдельно от типографии (там же, 65). Нужно заметить, что, переехав в Женеву, Чернецкий сразу же «натурализовался». Это прошло легко, и, основываясь на его опыте, Герцен рекомендовал так же поступить Огареву (там же, 51). Если б Огарев тогда послушался этого совета, то федеральное правительство не смогло бы в 1874 г. выслать его – совсем больного и старого – незадолго до смерти из любимой им Женевы.

Хлопотливые переговоры Герцена с женевскими властями насчет получения права проживать в Женеве и выпускать там «Колокол» изложены в нашем сообщении «Колокол» в Женеве». Герцену в это время часто приходилось бывать в женевской мэрии, которую он посещал в 1849 г., когда по указанию всевысшего диктатора Дж. Фази ему был выписан паспорт.

Расположенное в центре старого города на улице Hôtel-de-Ville, являющейся продолжением самой древней улицы Grand'ruë, по которой некогда расхаживали легионеры Юлия Цезаря, здание мэрии было существенно реконструировано только в 1970-х годах. До этого же помещение, где выдавались документы юридического характера, находилось в тех же комнатах нижнего этажа, что и в середине прошлого века.

О сдаче на комиссию печатной продукции типографии Чернецкого договори-

ЖЕНЕВА. УЛИЦА КОРРАТЕРИ. ПОЧТА

Фототипия. Начало 1870-х годов

Собрание И.И. Сиволап-Кафтановой, Москва

лись с известным издателем и книгопродавцом Г. Георгом, незадолго до того переехавшим со своей фирмой из Базеля. По правилам немецкого языка его фамилия произносится Георг, в франкоязычной Женеве она переименована была на французский лад – Жорж. 1 июня 1865 г. Герцен писал, что “склад журналов” будет у него и под его управлением (XXVIII, 79). И хотя с Георгом установились прочные деловые отношения, сам Герцен продолжал принимать горячее участие в распространении “Колокола”, в переговорах с книгопродавцами, беря на себя эти дополнительные хлопоты. Нужно сказать, что с Георгом одновременно сложились и дружеские отношения. На адрес его книжного магазина по улице Corratery, № 10 долгие годы посылались для Герцена корреспонденции из России. Книжный магазин Георга сыграл положительную роль и в последующем русском революционном движении.

Совсем недавно этот магазин, один из крупнейших книжных магазинов Женевы, перестал существовать. С 1857 г. он считался университетским магазином, но ассортимент книг в нем был рассчитан не только на студентов. Здесь богатейший выбор изданий, научных, политических, искусствоведческих. На улице Corratery есть еще два магазина Георга – в домах 5 и 19. Дом 10, куда Герцен приходил потолковать с Георгом, сохранился, но в нем теперь расположен другой магазин.

Сам Герцен на этот раз жил в мало знакомой ему стороне города, на улице под названием Route de Chêne – она ведет из Женевы в автономное тогда предместье Шен-Бужери. Она образована от слияния улиц Terrassière и Pré-l'Evêque. Это очень близко от типографии.

Дом, в котором поселились Герцен с семьей, Огарев и Тхоржевский, называется Château de la Boissière, или Grande Boissière. Снял это великолепное здание для Герцена известный библиограф и революционер В.И. Касаткин, который обосновался тут же, во флигеле на дворе. Контракт был заключен с 1 апреля 1865 г. до 1 апреля 1866 г. В этом 30-комнатном изящном дворце незадолго до того жила великая кня-

гиня Анна Федоровна, жена великого князя Константина Николаевича. Н.А. Тучкова-Огарева вспоминала позднее: “Весной 1865 года из Ниццы мы переехали прямо на дачу близ Женевы. Дача эта называлась *Château de la Boissière* (...) – старинный швейцарский замок с террасами во всех этажах. Внизу была кухня и службы, в первом этаже – большая столовая, гостиная и кабинет, где Герцен писал; из широкого коридора был вход в просторную комнату, занимаемую Огаревым. Наверху были комнаты для всех нас, т.е. для меня с дочерью, для Натальи Герцен и для Мейзенбург с Ольгой. Последние приехали из Италии в непродолжительном времени после нашего приезда. *Château de la Boissière* стоял в большом тенистом саду; перед домом простирался обширный зеленый газон, окаймленный дорожками, которые спускались вниз до огорода; за садом шла большая дорога в Женеву; по этой дороге, несколько раз в день, омнибусы проезжали из Каружа в Женеву^{21*}, и это составляло большое удобство для обитателей *Château de la Boissière*” (Тучкова-Огарева, 216).

Подробное описание этого роскошного дома читатель может найти выше, в письме Таты Герцен к М.К. Рейхель (с. 518 – 519).

По желанию Герцена в Шато де ля Буасьер временно съехалась его семья.

В первый день дом показался великолепным, и, по словам самого Герцена, “тут только жить да похваливать, всем места через край” (XXVIII, 63). Но через неделю отзывы были уже не столь восторженны: “Дом хорош, – пишет Герцен, – т.е. красив, но не совсем удобен”. Он уточняет: “Бесполезные комнаты в нашем *Palazzo* превосходны”, а “комнаты необходимые не особенно хороши”; дом “весь пожертвован для парадных комнат” (так же, 64, 67, 73). Через несколько недель Герцен заявил, что следующей весной он намеревается переехать в другой дом, т.к. в Шато де ля Буасьер обнаружались крупные недостатки. Прекрасен и сад и окрестности, но расположение комнат ему совсем не нравится. И пусть каждые четверть часа перед воротами проезжает омнибус, дом все же слишком на отлете (там же, с. 70–71). Однако контракт подписан, и хочешь – не хочешь придется прожить здесь целый год.

Герцена, наверно, смущало и другое. В этом старинном элегантном особняке, где приятно было принимать местную администрацию (так, 11 мая Герцен принял в нем представителей женевских властей и договорился с ними об узаконении Вольной русской типографии в Женеве), принимать бедствующую русскую “молодую эмиграцию” было неловко. Безусловно, это чувствовал и сам Герцен.

Причин для разногласий между Герценом и “молодой эмиграцией” было много. Его жизнь в “палаццо” не вызывала одобрения у молодежи, жившей чаще всего в нищете. Приходили “молодые эмигранты” к Герцену редко. Тучкова-Огарева запомнила один-два визита Л.И. Шелгуновой. Она держала для эмигрантов пансион, называвшийся среди своих “Людмиловка”. Наверно, там потом не особенно одобрительно говорили о “роскоши” в доме Герцена. Эмигранты бывали только в парадных залах, а не в комнатах верхнего этажа, тесноватых для многочисленной семьи и родных (до нас дошел план дома, см. XXVIII, 76). Но в приемных покоях, конечно же, различные гости чувствовали себя неловко. Когда по вынужденным обстоятельствам как-то вечером к ним попал больной, издерганный неудачами А.А. Серно-Соловьевич, то, оставшись ночевать по настойчивому приглашению Герцена, он почувствовал сильнейшее смущение от своего жалкого костюма и утром незаметно исчез из дому, чтобы приобрести бумажные воротнички и рукавники... Об этом сообщает Тучкова-Огарева (с. 219 – 220 ее “Воспоминаний”).

Молодой Герцен утверждал: “Богатство – это свобода” (XXI, 302), но в “Буасьерке” он не был ни счастлив, ни свободен. Зимой почти все разъехались... Здоровье Огарева ухудшалось, не ладилась типографские дела. Герцен часто уезжает из опустыленной Женевы, которая стала казаться ему пеклом сплетен, ездит в Лозанну и Монтрё... А Огарев мечтал поселиться в одиночестве и нашел себе квартирку в пригороде Женевы Ланси. Тучкова-Огарева об этом последнем этапе жини в *Château de la Boissière* вспоминала: “Жизнь их не налаживалась, работалось плохо, не было то-

^{21*} Тучкова-Огарева здесь ошиблась: Ronte de Chêne вела в Аннемас, а не в Каруж. – И.С.-К.

го, что англичане называют home^{22*} (Тучкова-Огарева, 221). А сам Герцен очень образно писал дочери Тате: “Переезд из Буассеры – положил новую черту (...) и вся наша жизнь, как бусы, у которых шнурок порван, рассыпалась” (XXIX, 116).

Когда в первых числах апреля истек срок аренды Château de la Voissière, Герцен переселился с Татой и Тхоржевским в небольшую трехкомнатную квартиру в доме № 7 по набережной Mont-Blanc (Quai du Mont-Blanc). Дом был новый и совсем близко от Hôtel des Bergues – чуть-чуть в сторону знакомого района Паки. Герцену бывало уютнее жить в уже знакомых местах – не только в Женеве, но и во Фрибурге (отель “Zoehringen”) и в Цюрихе (отель “Baur”), где позже, даже после его смерти, останавливались члены его семьи. Из новой квартиры был почти тот же вид на величественный Мон-Блан, на озеро, на Рону, на островок Руссо с памятником “великому женевскому гражданину”. Этот островок Руссо почти так же “купался в озере”, только теперь справа под его новыми окнами. Старые места притягивали...

Однако и здесь в 1866 г. счастье не улыбнулось Герцену. Он писал: “Я снял совсем маленькую квартиру. Главный штаб: там будут жить Тхоржевский и Линда (...) Я же, взяв Тату и season ticket^{23*}, сажусь в вагон – и катаюсь” (XXVIII, 173). Упомянутая здесь Линда – собачка Оли Герцен.

И снова все не ладилось. В конце сентября 1866 г. в квартире на Quai du Mont-Blanc были написаны отчаянные строки: “Я устал ... exhausted^{24*} – все напасти бьют меня молотом по голове. Я не припомню более ужасного времени, после гибели моей матери, после 1852 и кошмарных декабрьских дней 1864 в Париже” (там же, 221).

17 декабря 1866 г. из своей женевской квартиры Герцен уехал в Ниццу. Это было его последнее постоянное местожительство в Женеве. В феврале 1868 г. Герцен проведет полтора месяца в квартире С. Тхоржевского по адресу: бульвар Plainpalais, № 7 (ныне бульвар Georges-Favon, № 7). Этот приезд был связан с болезнью Огарева, который сломал ногу. Александр Иванович очень тревожился о здоровье стародруга и поспешил в Женеву.

Дальнейшие приезды Герцена были связаны с отелями и пансионами. Но и потом, как и в 1865–1866 гг., эти встречи с Женевой не происходили “под счастливым созвездием”.

Памятные места... Когда-то, в феврале 1847 г., когда Герцен посетил берлинский университет, он написал, что при виде вестибюля, по которому “ходили Фихте и Гегель”, у него “невольнo что-то задвигалось в душе” (XXIII, 9). Те же чувства рождаются и в Женеве, когда мы не только видим прекрасно сохранившийся Château de la Voissière, но и слышим разноязычный гомон ребятишек “Интернациональной школы”, разместившейся сейчас в этом здании.

Можно пожалеть, что снесен дом № 40 по улице Pré-l’Evêque, где в скромном помещении печатался грозный первенец русской нелегальной революционной печати – “Колокол”. Хочется надеяться, что остальные памятные места, связанные с жизнью и деятельностью Герцена в Женеве – и в других местностях Швейцарии – сохранятся надолго...³

РЕПОРТАЖ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ История “натурализации” Герцена во Фрибургском кантоне Швейцарии (деревня Шатель близ города Мора) достаточно хорошо известна по “Былому и думам” и переписке Герцена. Это один из наиболее ярких эпизодов в истории русско-швейцарских связей середины XIX в. Герцен с симпатией вглядывался в своих новых соотечественников, немецко-швейцарских крестьян, восхищаясь их трудолюбием и гостеприимством, напоминавшим ему радушие вятских крестьян. Он не мог не заметить, что его новое “родовое гнездо” имело два названия: Морá (по-французски) и Муртен (по-немецки). Дело в том, что именно здесь, по этой территории, проходит языковая граница между романдской Швейцарией и ее немецкоязычной территорией. В 1850-х годах деревушка Шатель состояла из двух-трех десятков крестьянских домиков и школы, в которой размещалась почта, а также нечто схожее с мэрией.

^{22*} домашним уютом (англ.).

^{23*} сезонный билет (англ.).

^{24*} выдохся (англ.).

Сейчас деревушка Шатель уже не существует, она стала частью г. Морá (Муртена). В архиве этого города я обнаружила книгу регистрации актов гражданского состояния – правда, не первую, а вторую ее часть (Bürger-Registre II, 1929), где зарегистрирована семья уже не Герцена, а его сына.

Отмечу, что с 26 июня по 3 октября 1973 г. в одной из самых замечательных и старинных библиотек Западной Европы – Женевской публичной и университетской библиотеке – проводилась выставка “Вокруг Александра Герцена”, устроенная проф. Ф. Монье при участии проф. С. Стеллинга-Мишо (теперь уже покойного). На выставке представлены были автографы Герцена, его личные вещи, изобразительные материалы, книги. Все это собрание было приобретено библиотекой у наследницы внука Герцена Николая Александровича, профессора Лозаннского университета, жительницы города Аарау г-жи Этель Нагель в 1967 г. (см. “Лит. наследство”, т. 96, с. 625). Позднее эпистолярные материалы этого собрания, полные глубокого интереса, были выпущены в Женеве под редакцией С. Стеллинга-Мишо отдельным сборником, названным “Autour d’Alexandre Herzen” (“Вокруг Александра Герцена”) и почти полностью переизданным в русском переводе на страницах тома 96-го “Лит. наследства” и отчасти в настоящей книге (“Письма Герцену польских демократов”).

Экспозиция, пользовавшаяся большим успехом, состояла из шести разделов: “Герцен и его близкие”, “Герцен и Женева”, “Герцен и Карл Фогт”, “Герцен и Достоевский”, “Герцен и Карлейль” и “Книги”.

Отдел периодики Женевской библиотеки, называющийся “Зал Монье”, украшен портретом Герцена работы Таты Герцен (1867, холст, масло). Из этикетки мы узнаем, что это не подлинник, написанный во Флоренции (см. его воспроизведение в т. 62 “Лит. наследства”) и не авторское повторение, а копия художницы Клеманс Биюде (Viaudet).

Я выразила желание ознакомиться с тыльной стороной холста, и дирекция библиотеки любезно пошла мне навстречу – картина была снята со стены. На холсте была сделана регистрационная запись по-французски и по-русски: «Александр Иванович Герцен-Искандер, Александр Иванович Герцен, Москва 1812 – Париж, 1870. Оригинал Натали Герцен, 186... Копия снята мадемуазель Клеманс Б и о д е. 1909. Даритель – г-жа Этель Нагель. “Аарау»». Далее к своему удовольствию я обнаружила дарственную (русскую) надпись Таты Герцен, обращенную к ее любимому племяннику Н.А. Герцену в день его тридцатипятилетия:

“Дорогому моему Ник.

Zia (Тетушка *итал.*) Тата 5-го июня 1908 г.”

Подлинник портрета всегда висел на почетном месте в лозаннской квартире Таты. Вероятно, Николай Герцен, боготворивший своего прославленного деда, просил ее снять для него копию. Сама Тата уже сделать авторского повторения не могла, ей было под семьдесят, живопись она бросила лет тридцать назад. Вследствие этого снять копию она поручила посторонней художнице. Дата 1909, по-видимому отмечающая завершение работы над копией, не совпадает с *дарственной надписью*. Если это не описка художницы, то, может быть, она продолжала еще несколько месяцев трудиться над уже подаренной работой.

В 1976 г. во время беседы с проф. С. Стеллингом-Мишо по поводу недавней выставки он передал мне экземпляр описи ее экспонатов. Отмечу особо несколько из них: золотые часы Герцена, металлическую булавку для галстука, украшенную изображением венецианского льва с колонны на площади Св. Марка и полотняный портфель коричнево-серого цвета.

О золотых часах проф. Монье сообщил мне следующее: на их внутренней крышке выгравировано по-французски: “Андре Люде. Площадь де Берг, № 8 в Женеве. Стрелка. Восемь рубинов”. Часы заводились ключиком; им же переводились стрелки. Надо думать, что они куплены были в магазине самого часовщика рядом с отелем де Берг, где в 1849 г. длительное время жил Герцен.

Т.П. ПАССЕК О “ДОКТОРЕ КРУПОВЕ”

Сообщение М.К. П е р к а л я

“Доктор Крупов” принадлежит к числу наиболее значительных и в то же время недостаточно изученных произведений Герцена 1840-х годов. Повесть постоянно привлекает к себе внимание исследователей, однако ее творческая история до сих пор остается неясной, что объясняется почти полным отсутствием источников.

Рукопись “Доктора Крупова” неизвестна. В письмах Герцена работа над повестью не отражена. Единственное упоминание мы находим в письме Герцена к жене от 8 октября 1846 г., когда она давно уже была закончена. На завершающей стадии работы Герцен интенсивно переписывался с Белинским и, как видно из ответных писем критика, делился с ним творческими планами. К сожалению, эти письма тоже неизвестны (*Белинский XII, 254–255*).

Из писем Белинского мы знаем, что “Доктор Крупов” предназначался для альманаха “Левиафан”. Подготовка этого издания началась в конце 1845 г., когда Бе-